

На правах рукописи

АЛЕКСЕНЦЕВА Екатерина Олеговна

**ДИАЛОГИЧНОСТЬ И РАЗГОВОРНОСТЬ
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ II ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО, Е. А. ЕВТУШЕНКО,
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО)**

Алекс.

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Колокольцева Татьяна Николаевна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Изотова Наталья Валерьяновна*, доктор филологических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации);

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина», профессор кафедры общего и русского языкознания).

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Защита состоится 11 ноября 2025 г. в 10:00 час. на заседании диссертационного совета 33.2.007.03 в ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» по адресу: 400005, г. Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 22 сентября 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Шацкая Марина Федоровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа выполнена в русле функциональной стилистики и антропоцентрической лингвистики и посвящена исследованию реализации категорий диалогичности и разговорности в лирической поэзии II половины XX века на материале произведений А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского.

Проблемы коллоквиалистики, особенности диалога как вида речи и диалогической коммуникации в современной лингвистике достаточно подробно изучены (см., например, труды М. М. Бахтина, Л. П. Якубинского, Т. Г. Винокур, Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, Е. Н. Ширяева, Г. Г. Инфантовой, О. А. Лаптевой, Ю. М. Скребневой, О. Б. Сиротининой, Э. А. Столяровой, Г. Г. Полищук, Т. Н. Колокольцевой, Н. В. Изотовой, А. Н. Байкуловой, И. Н. Борисовой и мн. др.). Несколько менее обстоятельно исследована специфика категорий диалогичности (см., например, работы М. М. Бахтина, М. Н. Кожинной, Н. С. Болотновой, Л. Р. Дускаевой, Т. Н. Колокольцевой, О. А. Прохвятиловой, Е. Н. Вотриной, Н. Э. Фотиной, С. А. Чубай и др.) и разговорности (см., например, работы О. Б. Сиротининой, И. А. Иванчук, Т. Н. Колокольцевой и др.).

В рамках художественного дискурса диалогичность и разговорность изучались главным образом на материале драматических и прозаических произведений. На сегодняшний день сделаны важные наблюдения над структурной организацией диалога, структурно-семантическим соотношением реплик, рассмотрены особенности употребления синтаксических и лексических средств создания разговорности при стилизации разговорной речи в прозе.

Между тем в поэтическом языке отчетливо проявляются как диалогические структуры, так и элементы разговорной речи, поэтому описание разноуровневых средств создания диалогичности и разговорности в поэтических текстах, а также их функций представляет научный интерес как в плане исследования языковой специфики идиостиля, так и в аспекте общей теории диалога и коллоквиалистики. Этим определяется **актуальность** настоящего исследования.

Объектом изучения в данной работе выступает функционирование категорий диалогичности и разговорности в русской поэзии II половины XX века; **предметом** исследования являются средства выражения указанных категорий, а также особенности их реализации в лирических произведениях А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского.

В качестве предварительной **гипотезы** исследования выдвинута следующая: в лирической поэзии А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко и Р. И. Рождественского текстовые категории диалогичности и разговорно-

сти играют важную роль, поскольку позволяют сократить дистанцию между участниками коммуникации, выразить эмпатию по отношению к адресату, передать стремление к духовной близости с читателем.

Цель настоящей работы заключается в комплексном изучении специфики реализации текстовых категорий диалогичности и разговорности в лирической поэзии 60-х годов XX века и особенностей индивидуально-авторского использования разноуровневых показателей изучаемых категорий в лирике А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского.

Исходя из цели работы, были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

1) обобщить имеющиеся достижения в изучении категорий диалогичности и разговорности для формирования теоретической и методологической базы исследования;

2) выявить средства реализации категорий диалогичности и разговорности в лирических произведениях А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского;

3) определить основные функции средств выражения изучаемых категорий в языке отечественной поэзии II половины XX века;

4) охарактеризовать индивидуально-авторские особенности воплощения категорий диалогичности и разговорности в лирике А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского.

Материалом исследования выступила авторская картотека, содержащая 1343 поэтических текста, включающих случаи использования маркеров диалогичности, и 987 поэтических текстов со случаями употребления показателей разговорности.

Источниками материала исследования послужили лирические произведения А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского (по 500 текстов каждого автора, в общей сложности 1500 текстов), написанные в период с 1952 по 1986 г.

Теоретическую базу диссертации составили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные следующей проблематике:

- вопросам определения сущности языка поэзии, его места в составе общенационального языка, а также связи с практическим и литературным языками (Аристотель, А. Н. Веселовский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. П. Григорьев, В. М. Жирмунский, Я. Мукаржовский, А. А. Потебня, Г. Г. Почепцов, Ю. Н. Тынянов, А. Л. Шарандин, В. Б. Шкловский, Р. О. Якобсон, Л. П. Якубинский и др.);
- проблемам текстовой категории диалогичности и ее функций (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Г. О. Винокур, Т. Г. Винокур, Л. Р. Дускаева, М. Н. Кожина, Т. Н. Колокольцева и др.);

- изучению текстовой категории разговорности и особенностей ее функционирования с учетом достижений коллоквиалистики (Е. А. Земская, О. Б. Сиротинина, Т. Н. Колокольцева, О. А. Лаптева, Ю. М. Скребнев, Г. Г. Полищук и др.);

- рассмотрению проблем идиостиля (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. П. Григорьев, Н. С. Болотнова, Т. А. Чернышева и др.).

Изучение индивидуально-авторских особенностей каждого из поэтов осуществлялось с учетом результатов ранее опубликованных работ отечественных филологов (преимущественно литературоведов):

- о поэзии А. А. Вознесенского – труды А. М. Марченко, Д. О. Морозова, Н. П. Краснова, С. М. Михальковой и др.;

- о поэзии Р. И. Рождественского – публикации Н. М. Громовой, В. И. Троицкого, В. В. Волкова, Ю. И. Минералова, Н. Я. Сипкиной и др.;

- о поэзии Е. А. Евтушенко – работы В. П. Прищепы, Н. Ю. Санниковой, О. С. Михайловой, А. А. Минаковой и др.

Методологическую основу исследования составили идеи М. М. Бахтина, Л. Р. Дускаевой, М. Н. Кожинной, О. Б. Сиротининой, Т. Н. Колокольцевой.

Для достижения цели исследования и решения поставленных задач в диссертации использовались следующие **методы и приемы** анализа:

- 1) описательный метод, включающий наблюдение, интерпретацию и классификацию языкового материала;

- 2) метод функционально-стилистического анализа для рассмотрения авторских установок, с которыми применяются разноуровневые показатели диалогичности и разговорности в поэтических текстах А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского;

- 3) метод семантического анализа – для выявления смысловых особенностей маркеров диалогичности и разговорности в лирических произведениях А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского;

- 4) метод контекстуального анализа – для характеристики взаимосвязи разноуровневых средств создания диалогичности и разговорности в конкретных поэтических текстах.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) предложена классификация поэтических текстов, содержащих разноуровневые показатели диалогичности и разговорности;

- 2) проведено комплексное исследование особенностей функционирования разноуровневых средств создания диалогичности и разговорности в лирической поэзии А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского;

- 3) охарактеризованы стилистические возможности маркеров диалогичности и разговорности как выразительных средств в поэзии «шестидесятников»;

4) описаны функции и выявлена индивидуально-авторская специфика реализации изучаемых категорий в лирике А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского.

Теоретическая значимость диссертации состоит в выявлении диапазона функций, выполняемых показателями категорий диалогичности и разговорности; уточнена специфика воплощения данных категорий в поэтическом тексте; установлены индивидуально-авторские особенности их реализации в лирических произведениях А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского.

Практическая ценность работы определяется тем, что основные положения диссертационного исследования могут быть учтены при составлении вузовских курсов стилистики русского языка и стилистики художественной речи; спецкурсов, посвященных проблемам анализа поэтического текста. Полученные результаты могут найти применение не только в лингвистике, но и в литературоведении – в рамках спецкурсов, связанных с изучением творчества А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория диалогичности в русской поэзии II половины XX века служит для создания эффекта живого общения по линиям «автор (лирический герой) – читатель (или другой адресат)» либо «персонаж – персонаж». Категория диалогичности в поэтических текстах получает реализацию на морфологическом уровне (через употребление определенных дейктических показателей: личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа и мн. числа; глагольных словоформ, связанных со сферами адресанта и адресата – форм изъяв. наклонения 1-го и 2-го лица ед. числа и мн. числа; императивов) и на синтаксическом уровне (через использование реплик диалога, прямого цитирования; риторических обращений, вопросов и восклицаний; вопросно-ответных конструкций).

2. Категория разговорности в русской поэзии II половины XX века сближает ее с живой неподготовленной речью, придает лирической поэзии естественность, живость и тем самым усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Разговорность в поэзии проявляет себя как на лексическом уровне (активное использование слов и выражений, характерных для разговорного стиля речи), так и на синтаксическом уровне (широкое употребление неполных предложений, в т. ч. эллиптических, парцелированных конструкций, а также наличие умолчания, конструкций с местоименным коррелятом в форме им. п.).

3. Выявленные средства создания диалогичности и разговорности выполняют следующие функции: *характерологическую* (маркеры описывае-

мых категорий отражают коммуникативные процессы и отношения между участниками общения, создают эффект живого диалога); *текстообразующую* (показатели диалогичности и разговорности становятся ключевыми элементами, определяющими структуру и содержание поэтического текста, интегрирующими различные смысловые пласты для создания целостного произведения); *ритмообразующую* (маркеры диалогичности и разговорности обеспечивают сохранение элементов метрического рисунка поэтического произведения, создание предсказуемых паттернов, облегчающих восприятие текста); *компрессивную* (отражают тенденцию к речевой экономии, свойственную живой неподготовленной речи).

4. Активное использование разноуровневых показателей диалогичности и разговорности в лирической поэзии изучаемых авторов связано с отчетливым усилением тенденций к речевой экономии, демократизации средств языкового выражения, а также к экспансии языковых единиц разговорной речи в сферу поэтической речи.

5. Категория диалогичности в поэзии «шестидесятников» проявляется в широком спектре текстовых типов: собственно диалог; лирический текст с диалогическими фрагментами (реплицированием); лирический текст с фрагментами прямой речи; диалогизированный монолог с одновременным наличием показателей сферы адресанта и адресата; диалогизированный монолог с доминированием показателей сферы адресата; диалогизированный монолог с доминированием показателей сферы адресанта (лирического героя); монолог с единичными показателями диалогичности. У всех изучаемых авторов ведущим текстовым типом является диалогизированный монолог с одновременным наличием показателей сферы адресанта и адресата, однако наблюдаются индивидуально-авторские различия в количественном распределении текстовых типов.

6. Анализ показателей разговорности в лирической поэзии «шестидесятников» позволил дифференцировать два основных типа поэтических текстов: стихотворения, характеризующиеся разговорностью главным образом в речевой сфере адресанта, и произведения, демонстрирующие разговорность в речевой сфере как адресанта, так и адресата, что отражает разные стратегии авторского самовыражения и взаимодействия с читателем. Установлены определенные идиостилевые особенности использования элементов разговорности. В частности, данная категория в лирической поэзии Р. И. Рождественского выражается преимущественно при помощи синтаксических показателей, в произведениях Е. А. Евтушенко – главным образом лексических, в лирике А. А. Вознесенского наблюдается примерная равнозначность синтаксических и лексических маркеров разговорности.

Оценка **достоверности** результатов исследования показала: использованные методы и приёмы в полной мере обеспечивают достижение поставленной цели и решение исследовательских задач; объём исследуемого материала включает достаточное количество примеров для полиаспектного рассмотрения разноуровневых средств создания диалогичности и разговорности в языке поэзии; теоретические и практические выводы сделаны на основе обширной теоретической и методологической базы; полученные результаты подробно аргументированы и отражены в научных публикациях.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в виде докладов на следующих конференциях различного уровня: I Всероссийском научном онлайн-форуме с международным участием «Диалогическая речь: семантика и прагматика» (Барнаул, 2023); VI и VIII международных научно-практических конференциях «Сталинградская гвоздика» (Волгоград, 2023, 2025); Международной научной конференции «Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества», посвященной 100-летию профессора Ольги Борисовны Сиротининой (Саратов, 2023); XI Международной научной конференции «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (Воронеж, 2023); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Русская и зарубежная филология в диалоге культур» (Ростов-на-Дону, 2023); III, IV, V, VI научных конференциях студентов и аспирантов «Славянские филологические школы» в рамках «Праздника славянской письменности и культуры» (Волгоград, 2022–2025).

Основные положения диссертации опубликованы в 8 статьях (в том числе 3 статьи – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России) общим объемом 4,27 п. л.

Объём и структура работы. Диссертационное исследование включает введение, четыре главы, заключение, список использованной литературы (253 наименования), перечень словарей и справочников (16 позиций), источники материала для исследования (12 наименований) и приложение, содержащее 2 таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования; определяются объект, предмет, цель и задачи диссертационной работы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, характеризуются методы анализа языкового материала; формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические основы исследования категорий диалогичности и разговорности в поэзии» посвящена рассмотрению особенностей поэтического языка, понятия «идиостиль», категорий диалогичности и разговорности как объектов филологического исследования, содержит характеристики теоретических аспектов изучения данных категорий в лингвистике.

В рамках исследования были проанализированы основные научные концепции (работы Аристотеля, А. Н. Веселовского, В. В. Виноградова, Е. Д. Поливанова, А. А. Потебни, Ю. Н. Тынянова, Р. О. Якобсона, Л. П. Якубинского и др.), освещающие сущностные характеристики поэтического языка. Так, язык поэзии всегда является продуктом словесно-художественного творчества. Одним из основных понятий поэтического искусства является образность. Долговременность языка поэтического текста обуславливается протяженностью во временном пространстве. Кроме того, в поэтическом тексте реальное пространство и время оказываются эстетически преобразованными, сущность слова становится более глубокой и многомерной.

Значительный вклад в развитие теории идиостиля внесли В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. П. Григорьев, А. И. Ефимов, Ю. Н. Караулов и др. В современной лингвистике термин «идиостиль» имеет множество определений и является многоаспектным, частично пересекается с понятием идиолекта. Вместе с тем данные термины не являются тождественными. «Идиостиль» представляет собой уникальную, узнаваемую систему языковых и стилистических средств, в основе которой лежат их отбор и частота использования, обусловленные индивидуальным мировоззрением, творческими задачами и личностными особенностями автора.

Освещены исследования категории диалогичности с позиций философии, риторики, литературоведения и лингвистики. Так, философы (в частности, В. С. Библер, Г. М. Кучинский, С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский) отмечают диалогичность самого человеческого мышления. В работах по риторике диалогичность определяется как особое качество ораторского монолога (Н. Н. Кохтев, А. К. Михальская и др.). Основой современных литературоведческих изысканий, посвященных диалогичности, послужили идеи М. М. Бахтина о полифонии литературного произведения, глобальности диалогических отношений. Литературоведы признают, что исследование диалогичности предполагает особое внимание к образу читателя, участвующего в акте творчества в качестве адресата (В. Г. Кузнецов, Л. В. Чернец).

В рамках лингвистики освещаются предпосылки становления диалогичности в монологическом тексте (О. А. Лаптева, Л. Р. Дускаева,

Л. М. Алексеева и др.), выделяются функции данной категории (М. Н. Кожина, О. А. Прохвятилова, И. С. Бедрина, Т. Н. Колокольцева и др.), рассматриваются отличительные черты диалогичности в текстах различных стилей и жанров (М. Н. Кожина, Л. В. Левшун, В. В. Бузаров и др.), исследуются разные приемы и средства создания диалогичности (Г. О. Винокур, М. Н. Кожина, Н. А. Красавцева, Л. В. Славгородская, Т. Н. Колокольцева и др.).

Основываясь на анализе текстов научного стиля, М. Н. Кожина определяет *диалогичность* как «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога»¹. По мнению ученого, категория диалогичности реализует коммуникативную связь между «говорящим» и «слушающим», вместе с тем является средством экспрессивности, а порой и эмоциональности, речи². Также М. Н. Кожина выделяет несколько видов диалогичности в научных текстах: 1) разговор с другим лицом (*я – он, они* и *я – ты, вы*), иначе говоря, общение с идейным (теоретическим) противником или соратником; 2) разговор с учеником или коллегой, который является менее подкованным в данном вопросе, отрасли науки и т. п. (*я и ты, вы; мы с вами*); 3) разговор со своим вторым Я, не двойником, а именно с объективированным Я (как диалог разных логических культур с целью проверки доказательства ($Я^1 - Я^2$))³.

Исследователь Л. Р. Дускаева в структуре функционального семантико-стилистического поля диалогичности выделяет четыре микрополя – 1) адресации; 2) авторизации; 3) оппонента; 4) оценки – и считает, что они формируют описываемую категорию⁴.

Концепции М. Н. Кожиной и Л. Р. Дускаевой представляются наиболее проработанными в современной функционально-коммуникативной лингвистике и составляют теоретическую базу для анализа массива языковых фактов в рамках предпринятого исследования.

Анализ научной литературы позволил выделить три наиболее авторитетных подхода к изучению русской разговорной речи, связанных с именами Е. А. Земской, О. А. Лаптевой и О. Б. Сиротининой, взгляды кото-

¹ Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986. С. 36.

² Кожина М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 247.

³ Кожина М. Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка // Методика и лингвистика. М.: Наука, 1981. С. 208.

⁴ Дускаева Л. Р. Диалогичность как функциональная семантико-стилистическая категория // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь, 1998. Т. 2, ч.2. С. 185.

рой мы разделяем. Естественная разговорная речь на сегодняшний день в науке хорошо исследована, несмотря на сохраняющиеся терминологические разногласия между лингвистами. Учеными выявлены и весьма подробно описаны не только экстралингвистические признаки данной функциональной разновидности речи, но и ее языковые особенности на всех уровнях. О. Б. Сиротинина рассматривает разговорную речь как устную литературную форму в условиях неофициального персонально адресованного общения⁵. Отмечается, что разговорный стиль свободно функционирует как в устной, так и в письменной форме⁶. Живая разговорная речь не тождественна стилизованной разговорной речи, представленной в произведениях художественной литературы. Вместе с тем нельзя отрицать безусловную близость между этими видами речи, так как писатели посредством письменной формы создают впечатление устной речи, спонтанной, протекающей в условиях непосредственного общения⁷. О. Б. Сиротинина определяет *разговорность* как эстетическую или риторическую категорию – создание впечатления говорения (неважно какого: деревенского или городского, культурного или некультурного, но говорения) или создание впечатления не книжной речи⁸. Развивая идеи О. Б. Сиротининой, Т. Н. Колокольцева определяет разговорность «как стилистическую категорию, объединяющую обширный массив языковых особенностей, генетически восходящих к разговорной речи, маркирующую их по принадлежности к соответствующей сфере общения, а за ее пределами создающую колорит этой сферы»⁹. Мы придерживаемся взглядов О. Б. Сиротининой и Т. Н. Колокольцевой.

Во **второй главе** «Лингвостилистический анализ реализации категорий диалогичности и разговорности в лирических произведениях А. А. Вознесенского» устанавливается специфика индивидуально-авторского использования показателей описываемых категорий в поэтических текстах А. А. Вознесенского.

Творчество данного автора отличается смелыми экспериментами с формой и содержанием (особые группировки фонем стихотворения, отклоняющиеся от общей нормы речи; доминирование неточных рифм; смелые и

⁵ Сиротинина О. Б. Разговорная речь. (Определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики: сб. ст. Л.: Наука, 1969. С. 374.

⁶ Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. С. 1974.

⁷ Сиротинина О. Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка. М.: Наследие, 1998. С. 349.

⁸ Там же. С. 351.

⁹ Колокольцева Т. Н. Разговорность как стилистическая категория: сущность и сферы функционирования // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции. М.: Фак. журн. МГУ, 2016. С. 284.

парадоксальные метафоры; неожиданные сравнения; окказиональная лексика; намеренный отказ от знаков препинания в художественных целях), постоянным привлечением разнообразных языковых показателей категорий диалогичности и разговорности. Занятия живописью и скульптурой в школьные годы, профессия архитектора во многом сказались на формировании идиостиля поэта¹⁰.

Анализ имеющегося материала позволил заключить, что диалогическое начало в лирической поэзии А. А. Вознесенского проявляется в различной степени в 90,6% от общего числа исследованных произведений и реализуется в семи текстовых типах. Среди них количественно преобладают лирические тексты с одновременным наличием показателей диалогичности в сферах адресанта и адресата (36,6%), например: «Я так люблю Тебя, когда / плечами, голосом, спиной / меня оденешь Ты собою, / как водопадная вода! // Я обожаю быть внутри / Твоей судьбы, Твоих смятений, / неясный шум Твоих артерий / как сад растущий раствори» (Вознесенский. Тебе). Здесь диалогичность получает яркое воплощение прежде всего на морфологическом уровне: личное местоимение *ты* и соотносимое с ним притяжательное местоимение *твой* повторяются в тексте в общей сложности десять раз, тем самым закрепляя в сознании читателей образ адресата на протяжении всего произведения.

Следующую по численности группу составили поэтические тексты с фрагментами прямой речи (19,2%): «Она летела над ночной землей. / Она кричала: “*Мальчик потерялся!*” / Заглядывала форточкой в дома. / “*Невинен он, – кричала, – я сама / ударились! Сметана в холодильнике. / Проголодался? Мальчика не вижу!*” – / И безнадежно отжимала жижу» (Вознесенский. Уездная хроника). Прямая речь выполняет следующие функции: *характерологическую*, поскольку помогает глубже раскрыть характеры героев, их внутренний мир; *текстообразующую*, т. к. фрагменты прямой речи пронизывают текстовое полотно всего произведения, составляя основу его синтаксической структуры. Диалогичность поддерживается местоимениями 1-го и 2-го лица, глагольными словоформами *помнишь, спешу, не вижу, спешишь*.

Анализ творчества А. А. Вознесенского показал, что 12% поэтических текстов содержат единичные показатели диалогичности. Так, например, в стихотворении микрополе адресата воссоздано императивом *шуруйте* и обращением *старухи*: «Потухли вулканы, / *шуруйте, старухи.* // ... А с краю, моргая, / сияет бабуса: / она промотала / невесткины / бусы» (Вознесенский. Старухи казино).

¹⁰ Зайцев В. А. Русская поэзия XX века: 1940–1990-е годы. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 106.

Четвертую по численности группу составили лирические тексты с доминированием показателей сферы адресанта (лирического героя) (9,6%): «Я – Гойя! / Глазницы воронок *мне* выклевал ворог, / слетая на поле нагое. // Я – Горе. // Я – голос / войны, городов головни на снегу сорок первого года. // Я – голод. / Я – горло / повешенной бабы, чье тело, как колокол, / било над площадью голой...» (Вознесенский. Гойя). Многократный повтор местоимения *я* преимущественно в анафорической позиции, представленный в стихотворении в общей сложности семь раз, связывает строки текста и участвует в создании его ритмической структуры, таким образом выполняя текстообразующую и ритмообразующую функции. Несмотря на отсутствие показателей сферы адресата, данное произведение несет мощный диалогический посыл: яркие образы придают многозначность тексту, побуждая читателей к соразмышлению.

Лирические тексты с доминированием показателей сферы адресата встречаются в 7% от общего числа проанализированных произведений: «*Любите* при свечах, / *танцуйте* до гудка, / *живите* – при сейчас, / *любите* – при когда?» (Вознесенский. Вальс при свечах). Стихотворение «Вальс при свечах» представляет собой аллюзию на сцену из фильма «Мост Ватерлоо» (1940 г., режиссер Мервин Лерой): главный герой и героиня танцуют вальс под песню на слова Р. Бёрнса, после чего расстаются, т. к. мужчина уезжает на фронт. В произведении А. А. Вознесенского прослеживаются трагические нотки о неизбежности смерти. Именно поэтому, используя глаголы в форме повелительного наклонения, поэт призывает читателей наслаждаться жизнью здесь и сейчас. Императивы также участвуют в создании ритма в данном тексте, тем самым выполняя ритмообразующую функцию. Вопросно-ответные конструкции в четвертой и пятой строках стихотворения воссоздают гипотетическую ситуацию общения лирического героя и его адресатов: «Цари? Ищи-свищи! / Дворцы сминаемы»; «Когда? При царстве чьем? / Не ерунда важна, / а важно, что пришел».

Шестую по частотности группу составляют лирические произведения, содержащие диалогические фрагменты (4,2%). Так, в финальных строчках стихотворения именно с помощью реплики диалога поэт задает вопрос, раскрывающий идею всего произведения: «“Что такое Дух?” – расстроюсь / врубят гид по телетуру. / – А куда мы сдали совесть? / – В русскую литературу» (Вознесенский. Прощание с книгой). Становится понятно: в мире, где технологии вытесняют глубокие размышления, литература по-прежнему остается оплотом человеческого духа и совести.

Группа произведений, синтаксическую основу которых составляют реплики собственно диалога (или полилога), оказалась самой малочисленной (2%). Например, стихотворение А.А. Вознесенского «– Вы читали? – за-

давили Челентано!..» оформлено в виде полилога: «– *Вы читали?* – *задавали Челентано!* /– *Вы читали, на эстраде шарлатаны?* /– *Вы читали, в президенты кого выбрали?* – Не иначе, это Джуна. Чую фибрами». Реплицирование в этом тексте создает эффект молвы, обмена слухами. Произведение представляет собой не столько размышление о чтении, сколько живое обсуждение новостей и слухов, порой самых невероятных. Микрополе адресата формирует повторяющееся личное местоимение *вы*. На синтаксическом уровне диалогичность выражается через использование многочисленных риторических вопросов и восклицаний.

В поэзии А. А. Вознесенского диалогичность тесно связана с категорией разговорности, которая ярко проявляется через интеграцию разговорных элементов в лирический текст. Разговорность обнаружена в 58,6% проанализированных произведений и представлена в речевой сфере как лирического героя, так и его адресатов. Примерно половина проанализированных поэтических текстов (46,8%) содержит маркеры разговорности в речевой сфере адресанта: «Прости меня, что говорю при всех. // Одновременно открывают атом. / И гениальность стала плагиатом. // Твое лицо ограблено, как сейф. // Ты с ужасом вливаешься в экраны – / украли! / Другая примеряет, хохоча, / твои глаза и стрижку до плеча. // (Живешь – бежишь под шепот во дворе: / «Ишь баба – как Симона Синьоре»))» (Вознесенский. «Прости меня, что говорю при всех...»). В приведенном примере широко представлены элементы разговорного синтаксиса: парцелированные конструкции (присутствуют во всех частях стихотворения, но наиболее активно используются в его финальной части): «Люблю тебя. За это и прости»; «Прости меня. А впрочем, не жалею. / Вот я живу. И это тяжелее»; «Больничные палаты из дюраля. / Ты выздоравливаешь. / А где-то баба / за морем орет. / Ей жгут лицо глаза твои и рот»; эллипсис: «Ишь баба – как Симона Синьоре» (отсутствует глагол-сказуемое, предположительно – *выглядит*); «Ты с ужасом вливаешься в экран – / украли!» (не реализована прямая валентность глагола – *украли что?*). На лексическом уровне разговорность поддерживается следующими лексемами: *ишь* – ‘частица, употребляется при выражении недоумения, возмущения’; *лопух* – *сниж.*, *пренебр.* ‘простак, простотия’; *гулянка* – *сниж.* ‘веселое времяпрепровождение в компании, обычно с употреблением спиртного’; *выдранный* – причастие, образованное от разговорного глагола *выдрать* – ‘с силой, рывком вырвать’; *баба* – ‘женщина’; *орать* – *сниж.*, *неодобр.* ‘громко кричать’¹¹.

В числе изученных поэтических текстов А. А. Вознесенского 11,8% содержат разговорные элементы в речевой сфере не только адресанта, но

¹¹ Здесь и далее по тексту стилистическая квалификация всех приведенных примеров проверена по академическим словарям, отсылки на которые подробно показаны в диссертации.

и адресата: «– Аптекарша, дай мне забвение! / Желательно внутривенное. / – Аптекарша, мы из села Вязники. / Мы язвенники. / – Аптекарша, дай кислорода! / Перекрыли царя природы. / <...> – Со всего света мы тут, аптекарша, / истомились за столетие истекшее...» (Вознесенский. Дежурная аптекарша). Ключевое для данного текста слово «аптекарша» относится именно к разговорному стилю: *аптекарша* – ‘женск. к *аптекарь*’. На лексическом уровне рассматриваемая категория также представлена следующими лексемами: *язвенник* – ‘человек, страдающий язвенной болезнью’; *хохлиться* – ‘становиться хмурым, унылым’; *башили* – *жарг.* ‘деньги’; *обтерпеться* – ‘свыкнуться, смириться’; *алкаш* – *снижс.*, *презр.* ‘тот, кто постоянно пьет спиртное, обычно спившийся человек’; *упырь* – *нар.-разг.* ‘о том, кто угнетающе действует на кого-л., лишает сил, энергии’; *облажаться* – *сленг.*, *неодобр.* ‘из-за собственной ошибки потерпеть неудачу в чем-либо, опозориться’; *затыкать* – *неодобр.* ‘заставить молчать, проявлять себя’. Отдельных комментариев заслуживают несколько высказываний.

Во-первых, это экспрессивное выражение «Марафетчики патлатые!»: слово *марафетчик*, образованное от существительного *марафет* – *жарг.* ‘наркотики’, в сочетании с просторечной лексемой *патлатый* – *прост.* ‘косматый, с длинными, непричесанными волосами’ – получает дополнительный иронический оттенок в значении ‘лохматые наркоманы’. Во-вторых, интересно высказывание «– Аптекарша, смерть артерию!», в котором разговорный глагол *смерить* – ‘определить величину, количество чего-либо посредством принятых единиц измерения’ – имеет в качестве объектного распространителя существительное «артерия», обозначающее здесь часть системы кровообращения, и используется вместо словосочетания «артериальное давление» – понятия, связанного с состоянием сосудов и кровотока. Так, мы наблюдаем замещение наименования по схеме: словосочетание → имя. На синтаксическом уровне разговорность в стихотворении «Дежурная аптекарша» реализована через использование следующих явлений: парцеллированных конструкций: «– Аптекарша, дай мне забвение! / Желательно внутривенное»; «– Аптекарша, дай мне забвение. / Возможно. Но тем не менее...»; эллипсиса: «– Аптекарша, мы из села Вязники» (предположительно, опущено сказуемое *приехали*); «Я с поста» (отсутствует глагол направленного движения – *приехал*, *вернулся*) и др.; предложений, содержащих сниженную оценочную лексику: «Алкаши! Пустобратия! / Упыри! Марафетчики патлатые!».

Таким образом, категория разговорности получает яркое воплощение на лексическом уровне преимущественно через разговорные слова, часто с оттенками сниженности, пренебрежительности, грубости, через бран-

ную лексику. Кроме того, встречается использование обценной лексики, однако по этическим соображениям контексты, содержащие подобные элементы, не были включены в основной анализ. На синтаксическом уровне в стихотворениях А. А. Вознесенского преобладают такие показатели разговорности, как конструкции «рубленого» синтаксиса и эллиптические предложения.

В третьей главе «Лингвостилистический анализ реализации категории диалогичности и разговорности в лирических произведениях Е. А. Евтушенко» выявляются особенности индивидуально-авторского использования категорий диалогичности и разговорности в лирике Е. А. Евтушенко.

Для поэзии данного автора характерны различного рода повторы, звуковые ассоциации, паронимические переходы; ассонансная, корневая ударная рифма; афористичность; использование фразеологизмов; широкий в стилистическом плане диапазон лексики; ориентация на живую неподготовленную речь и, как следствие, усиление роли разноуровневых показателей разговорности и диалогичности.

Непринуждённое общение с читателями в поэзии Е. А. Евтушенко продиктовано духовным диалогическим потенциалом его лирики. Категория диалогичности представлена в 91% проанализированных лирических произведений. В ходе их исследования выявлено шесть текстовых типов, содержащих разноуровневые средства создания описываемой категории.

Наиболее частотной в выборке из произведений Е. А. Евтушенко оказалась группа с одновременным наличием показателей диалогичности в сферах адресанта и адресата (26%), например: *«Ты большая в любви. / Ты смелая. / Я – робею на каждом шагу. / Я плохого тебе не сделаю, / а хорошее вряд ли смогу. / Все мне кажется, будто бы по лесу / без тропинки ведешь меня ты. / Мы в дремучих цветах до пояса. / Не пойму я – что за цветы»* (Евтушенко. «Ты большая в любви...»). Местоимения *я, ты*, глаголы в форме 1-го и 2-го лица ед. числа усиливают ощущение непосредственного общения и близости между коммуникантами. Кроме того, диалогичность текста получает яркое воплощение на синтаксическом уровне благодаря репликам прямой речи, риторическим вопросам, риторическому восклицанию в финале произведения. Показатели описываемой категории не только способствуют структурированию текста, но и активно участвуют в создании ярких и запоминающихся образов, передающих сложные и многослойные чувства.

Вторую по численности группу составили лирические тексты с фрагментами прямой речи (19%), например: *«И вдруг – круглолицая, словно ватрушка, / на помощь к тебе подкатилась старушка, / вострушка, а лет ей, наверно, под сто, / и, крылья прикрыв, закричала распевно: / “Разбегу*

ему не даёте, разбегу! / Вы люди, товарищи, или вы кто?» (Евтушенко. Баллада о разбеге). Микрополе адресата в приведенном примере формируют местоимения и глагольные словоформы 2-го лица ед. числа. Реплики прямой речи вносят в текст динамику и напряжение, подчеркивая конфликт между обществом и молодым лебедем, участвуют в развитии сюжета. Реплицирование помогает раскрыть характеры и мотивы персонажей, показывая их отношение к лебеденку и происходящим событиям. В выражении диалогичности участвуют: глаголы в формах 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа *понимаю, обставим, не взлетаешь, заносишься, не даёте, хочешь*; местоимения *ты, мы, вы*; императивы *послушай, выпусти, улетай*; риторические восклицания «Ау, лебеденок, отставший от стаи!», «Ишь ты каков!», «Сынок, улетай поскорее!»; вопросно-ответные конструкции «В курятник тебя? Но ты слишком прекрасен / для общества кур, и народ не поймет. / Зажарить тебя? Но ты слишком известен. / Оставить в квартире? Ты в ней неуместен»; обращение *сынок*. Показатели диалогичности в этом стихотворении помогают создать многослойное и эмоционально насыщенное произведение, затрагивающее важные темы свободы, самореализации и борьбы с предрассудками.

Третью по численности группу в выборке составили лирические тексты с доминированием показателей сферы адресанта (лирического героя) (18%): «*Я шатаюсь в толкучке столичной / над веселой апрельской водой, / возмутительно нелогичный, / непростительно молодой. // Занимаю трамвай с бою, / увлеченно кому-то лгу, / и бегу я сам за собою, / и догнать себя не могу*» (Евтушенко. «Я шатаюсь в толкучке столичной...»). Микрополе адресата здесь формируют морфологические показатели диалогичности (глаголы в форме 1-го лица ед. числа и местоимение *я*). Глаголы *шатаюсь, занимаю, лгу, бегу, удивляюсь* создают динамичность повествования, обращают внимание читателей на активную жизненную позицию лирического героя. Формы личного местоимения *я* подчеркивают субъективность восприятия окружающего мира адресантом.

Четвертая по частотности группа произведений отмечена единичными показателями диалогичности (15%), например: «Поэты относились все века / к борьбе за власть как будто свысока, / но тщились быть духовными отцами. / *Мне* вроде никакой не нужен сан, / а между тем я – властолюбец сам: / *борюсь* за власть над чьими-то сердцами» (Евтушенко. Признание властолюбца). Используя морфологические средства создания диалогичности (местоимение *я*, глагол *борюсь*), лирический герой признается воображаемому адресату в своем собственном желании контролировать чьи-то чувства и мысли. Формы личного местоимения *я* указывают на искренний характер сообщения адресанта.

Пятую по частотности группу составляют лирические произведения с доминированием показателей сферы адресата (10%): «Ты мечешься, ты мучишься, грустишь. / Ты сам себе все это не простишь. / И только та прозрачная рука / простит, хотя обида и тяжка» (Евтушенко. «Всегда найдется женская рука...»). Морфологические средства выражения диалогичности (личные и притяжательные местоимения 2-го лица, глагольные словоформы *мечешься, мучишься, грустишь, не простишь*) отражают реальные коммуникативные процессы, передают эмоциональное состояние героя и его взаимодействие с воображаемым собеседником. На синтаксическом уровне диалогичность текста поддерживается риторическими восклицаниями: «Ты предавал их в жизни столько раз!», «Предатель!»; прямым цитированием: «“Предатель!” – дождь тебя наотмашь бьет. / “Предатель!” – ветки хлещут по лицу. / “Предатель!” – эхо слышится в лесу».

В проанализированных поэтических произведениях Е. А. Евтушенко собственно реплики диалога не встречаются. Для оформления живой неподготовленной речи героев поэт использует прямое цитирование. Группа лирических текстов, содержащих диалогические фрагменты, оказалась малочисленной (3%): «Чуть удивилась, но не растерялась: / “А, ты вернулся?” В ней во всей была / насмешливая умная усталость, / которая не грела и не жгла. / “Решил остаться? Изменение правил? / Начало новой светлой полосы?” / “Я на минуту. Я часы оставил”. / “Ах да, часы, конечно же, часы...”» (Евтушенко. «Сквер величаво листья осыпал...»). Фрагменты прямой речи и вопросно-ответная форма в этом примере передают внутреннее состояние лирического героя и его адресата (выполняют характерологическую функцию), раскрывают особенности их взаимоотношений: женщина устала, ее слова пропитаны иронией и умудренной разочарованностью. Адресант, напротив, расслаблен, зол и одинок. Его реплики демонстрируют нежелание затягивать общение. Разговор транслирует напряженность и усталость в отношениях коммуникантов. Диалогичность текста в данном примере реализована также с помощью морфологических показателей: местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа; глаголов в форме изъяв. наклонения 1-го и 2-го лица ед. числа.

Разговорность так же, как и диалогичность, представлена в большей части проанализированных произведений Е. А. Евтушенко (69,6%). Почти половина от их числа (49,4%) содержит средства создания разговорности в речевой сфере адресанта, например: «“Как, / вы луковый суп не едали? / Значит, Франции вы не видали. / Собирайтесь, мосье, идем!” / Ах, от запахов ноги подкашиваются! / И парижский рынок / покачивается / перегруженным кораблем» (Евтушенко. Луковый суп). В приведенном примере разговорность реализована при помощи следующих средств: лексем, ха-

рактерных для разговорного стиля: *едать* – ‘многократно что-то есть’, *видать* – ‘неоднократно, много раз видеть что-либо’, *едок* – ‘о том, кто ест’, *толковать* – ‘говорить, рассказывать о чем-либо’, *разинутый* – причастие от глг. *разинуть* – ‘широко раскрыть (рот, пасть)’, *мол* – ‘употребляется в значении вводного слова при передаче чужой речи, при ссылке на чужую речь’, *срамиться* – ‘позориться, бесчестить себя’; предикативов-оценок (в этот подкласс входят слова местоименного, наречного и междометного происхождения, имеющие «качественно-характеризующее оценочное значение» и тяготеющие «по своей семантике к имени прилагательному»)¹²: «Ай да лук! / Ай да лук!», «*просто ах*»; парцелированных конструкций: «Обожаю все рынки Вселенной / как художник и как едок. / *В алых тушах! / В кореньях! / В соленьях!*»; эллипсиса: «Груда устриц лежит, / из моря только-только» (предположительно опущено сказуемое *выловили*), «Ну-ка, брат, еще – / не срамись!» (из контекста можно восстановить глагол *поешь*); «Только неудобно – / все-таки не дома» (элиминировано сказуемое *танцевать*); членимых предложений переходного характера, совмещающих признаки именительной темы (представления) и эллиптических предложений: «Артишоки! / Артишоки!». Показатели рассматриваемой категории выполняют в приведенном выше тексте следующие функции: *характерологическую*, поскольку разговорные элементы воссоздают не только образ лирического героя – простого, открытого, жизнерадостного человека, любящего жизнь во всех ее проявлениях, но и атмосферу французского рынка; *ритмообразующую*, так как показатели рассматриваемой категории формируют живой, динамичный ритм поэтического текста; *компрессивную*, так как они отражают тенденцию разговорной речи к речевой экономии.

Часть рассмотренных поэтических текстов (20,2%) содержит разговорные элементы одновременно в речевой сфере адресанта и адресата: «Галстук-бабочка на мне. / Сапоги – на Шукшине. / Крупно латана кирза. / Разъяренные глаза. / Первое знакомство. / Мы вот-вот стукнемся» (Евтушенко. Галстук-бабочка). В приведенном примере на лексическом уровне можно отметить следующие слова, характерные для живой неподготовленной речи: *кирза* – ‘об изделиях из заменителя кожи (обычно о сапогах)’; *пижон* – *неодобр.* ‘пустой франтоватый молодой человек, модник’; *закусъ* – *сниж.* ‘закуска к спиртному’; *фитюлька* – ‘маленькая вещичка, маленький предмет’; *ерунда* – *неодобр.* ‘нечто несущественное, малозначительное’; *скинуть* – ‘снять (об одежде, обуви и др.)’; *слабачок* – ‘слабый физически или слабовольный, малодушный человек’; *нырнуть* – ‘исчезнуть из виду’. В речевой сфере адресанта (В. М. Шукшина) также представле-

¹² Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 87–88.

ны просторечные слова: *долждн* – ‘сниженное к *должен*’; *сымать* – ‘просторечное к *снимать*’; *шельма* – ‘ловкий, хитрый, плутоватый человек, пройдоха’. Разговорность в рассматриваемом примере поддерживается конструкциями «рубленого синтаксиса»: «Галстук-бабочка на мне. / Сапоги – на Шукшине. / Крупно латана кирза. / Разъяренные глаза».

Итак, в лирической поэзии Е. А. Евтушенко разговорность реализована прежде всего при помощи лексических показателей, среди которых можно выделить не только слова, характерные для разговорного стиля, но и просторечные и диалектные лексемы. На синтаксическом уровне разговорность в поэтических произведениях поддерживается эллиптическими и парцелированными конструкциями.

В четвертой главе «Лингвостилистический анализ реализации категорий диалогичности и разговорности в лирических произведениях Р. И. Рождественского» выявляется специфика индивидуально-авторского использования показателей диалогичности и разговорности в поэзии Р. И. Рождественского.

Отличительными чертами идиостиля поэта являются: ярко выраженная музыкальность (песенная поэзия Р. И. Рождественского «составляет едва ли не третью часть его литературного наследия»)¹³; разговорность рифмы (стих уподобляется живому произношению слова); распространенные приложения-сравнения; авторские неологизмы, представляющие собой ««свернутую» метафору»¹⁴; устойчивая интеграция различных языковых средств создания категорий диалогичности и разговорности.

Диалогичность в поэзии Р. И. Рождественского, обусловленная стремлением к живому взаимодействию с читателем, проявляется в большинстве проанализированных текстов (87%). Наиболее распространены лирические произведения с одновременным наличием показателей диалогичности в сферах адресанта и адресата (30%): «У сердца / есть радар. / Когда-то, / в ту весну / *тебя* я угадал. / Из тысячи. / Одну. / У сердца / есть радар. / Поверил я в него...» (Рождественский. Радар сердца). Микрополюс адресанта и адресата в этом примере создаются прежде всего с участием морфологических показателей: местоимений 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа, глагольных словоформ *живешь, рвешь, ждешь, мечтаешь, не знаю*. Кроме того, на синтаксическом уровне следует отметить реплику прямой речи, с помощью которой Р. И. Рождественский воссоздает внутренний голос лирического героя.

¹³ Прищепа В. П., Сипкина Н. Я. Песенное творчество Р.И. Рождественского в контексте литературного процесса второй половины XX века // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 4-2 (33). С. 51.

¹⁴ Сипкина Н. Я. Эволюция идейно-эстетических взглядов Р. И. Рождественского в контексте литературного процесса второй половины 1950-х – первой половины 1960-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2010. С. 151.

Следующую по численности группу составили поэтические тексты с единичными показателями диалогичности (16%): «*А слышала ли ты, что он – горячий?..* / Вмиг освистав торосистые пики, / метели покуражатся / и спрячут / все вехи, / все привычные тропинки» (Рождественский. Горячий Север). Диалогичность в данном поэтическом тексте реализована местоимением 2-го лица ед. числа *ты* и вопросом в первой строфе: «А слышала ли ты, что он – горячий?..».

Поэтические тексты Р. И. Рождественского (13%) содержат фрагменты прямой речи: «*Базар? / Базар!* / Торговки / базлали: / “*Сахарин фасованный!..*” / “*Целебная махра!..*” / Чего только не было / на этом базаре, / особенно / если в воскресенье, / с утра...» (Рождественский. Базар того года). В данном примере шум базарной толпы передают реплики прямой речи. Для воссоздания живого общения дедушки-фокусника с покупателями Р. И. Рождественский отдает предпочтение репликам диалога: «– А у вас, дедуся?.. / – У меня / фокусы... / – Что еще за новость?! / Как это?.. / – А так...». Диалогичность текста поддерживается местоимениями *я, ты, мы, вы*; глаголами *налетай, беру, продай*; риторическими восклицаниями; обращениями *служивые, дедуся, дедушка*.

Такой же по численности (13%), как и предыдущая, оказалась группа поэтических произведений с доминированием показателей диалогичности в сфере адресанта (лирического героя): «*Я жизнь люблю безбожно! / Хоть знаю наперед, / что – рано или поздно – / настанет мой черед*» (Рождественский. «Я жизнь люблю безбожно!..»). Микрополе адресанта создается при участии местоимения *я* и глагольных словоформ *люблю, упаду, обниму, хочу*. Морфологические показатели диалогичности в данном случае выполняют *текстообразующую* функцию: они пронизывают поэтический текст, формируя его архитектуру. Глагольная форма 1-го лица ед. числа *хочу* выполняет *ритмообразующую* функцию за счет сохранения метрического рисунка лирического произведения, создания предсказуемых паттернов, которые облегчают восприятие текста.

Поэтические произведения с доминированием показателей диалогичности в сфере адресата встречаются у Р. И. Рождественского значительно реже (7%): «*Судьи с тонкими шеями, / судьи / с петушиными голосами, / только начаты / ваши судьбы, / чуть намечены / ваши судьбы. / Вот вам жизнь. / Разбирайтесь сами. / Нате! / Стройте и протестуйте! / О своем / твердите упрямо. / Нате – / мучайтесь! / Нате – / думайте, / в чем вы правы, / а в чем – не правы*» (Рождественский. Вступающим в жизнь). Лирический герой в этом примере побуждает своих адресатов (молодых поэтов) к инициативности и независимости, используя серию императивов: *начинайте, разбирайтесь, стройте, протестуйте, твердите, му-*

чайтесь, думайте. Эти глагольные словоформы, задавая тон наставления и призыва к действию, участвуют в создании ритма произведения. Кроме того, следует обратить внимание на синтаксические показатели диалогичности: риторические восклицания (7 единиц), передающие ощущение эмоциональной вовлеченности адресанта в коммуникацию, оказывающие мощное воздействие на читателей. Риторические обращения (*Судьбы с тонкими шеями, судьбы с петушиными голосами*) не только поддерживают эффект живого общения, но и транслируют личное отношение лирического субъекта к собеседникам.

Шестой по численности является группа произведений с диалогическими фрагментами (6%): «Дежурный закричал: / – Скорей сюда! / Мираж! / смотрите! / Все сюда! / Скорей!.. – / И резко отодвинута еда. / И мы вываливаемся из дверей. <...> / Но здесь... / – Да где мираж?! / – А очень просто. / Туда смотри!..» (Рождественский. Мираж). Диалогические фрагменты в первой строфе воссоздают ситуацию неподготовленного общения. Восклицания и команды дежурного «Скорей сюда! / Мираж! / смотрите! / Все сюда! / Скорей!..» передают чувство стремительности, необходимости незамедлительных действий и погружают в атмосферу неожиданных открытий и внезапного события. Второй диалогический фрагмент добавляет интриги, усиливает ожидания. Он направляет внимание на нужную точку, подготавливая к необычному зрелищу. Реплики диалога выполняют в этом примере текстообразующую функцию: структурируют текст, создавая естественные переключения между описанием и действием. Кроме того, категория диалогичности реализуется в данном тексте посредством местоимений *я, мы, ты*, глаголов *смотрите, вываливаемся, смотри, не хочешь*, а также при помощи вопросно-ответной конструкции, риторических восклицаний.

Самой малочисленной оказалась группа произведений, синтаксическую основу которых составляют реплики диалога (2%): «– Снова дралась во дворе?.. / – Ага! / Мама, / но я не плакала!.. / Вырасту – / вычусь на моряка. / Я уже в ванне / плавала!.. / – Боже, / не девочка, а беда! / сил моих больше нету... / – Мама, / вырасту я когда?.. / – Вырастешь! / Ешь котлету...» (Рождественский. Подслушанный разговор). В этом произведении реплики диалога не только выполняют текстообразующую функцию, составляя основу синтаксической структуры стихотворения, но и раскрывают образы коммуникантов. Естественный характер реплик передает интонации живой речи, делая персонажей более живыми и узнаваемыми для читателя. Диалогичность данного произведения реализована благодаря местоимениям *я, ты*, глаголам в форме изъяв. наклонения 1-го и 2-го лица ед. числа, обращению *мама*, вопросно-ответным конструкциям, риторическим восклицаниям.

Показатели разговорности, выявленные в 69,2% текстов Р. И. Рождественского, характерны для речевых сфер адресата и адресанта. В речевой сфере адресата разговорность представлена в 51,2% проанализированных произведений: «Ромашки / глядят напыщенно, / в росистой пыли обочина... / Природа – / она обидчива. / Природа – / она отходчива. // Дорога ныряет в заросли, / сейчас она мне – / как милостыня... / Найди меня здесь, / пожалуйста. / Поссоримся. / И помиримся» (Рождественский. «Ромашки глядят напыщенно...»). В данном тексте категория разговорности представлена следующими показателями: словами и оборотами, характерными для разговорного стиля: *нырять* – ‘исчезать из виду’; *дурочка* – неодобр. ‘о той, которая ведет себя неразумно’; *во хмелю* – ‘в пьяном состоянии’; конструкциями с местоименным коррелятом в им. п. – «*Природа – / она обидчива. / Природа – / она отходчива*»; парцеллированными конструкциями – «*Найди меня здесь, / пожалуйста. / Поссоримся. / И помиримся, / Помиримся. / И поссоримся. / И снова ты не уснешь*».

Одновременное использование показателей разговорности в речевых сферах адресанта и адресата представлено в 18% от общего числа рассмотренных лирических произведений Р. И. Рождественского: «Я начать хотел с привычного: “А помнишь...” / Но меня прервал приятель: / – Опомнись! / Погоди! / Я протестую / решительно, – / что вы все воспомина- ньями / ушиблены?! <...> Я приятелю ответил: / – Все правильно! / Все понятно. / Зрелость так и начинается – / в самом близком, / в самом простом. / То, что нам / легко вспоминается, / мы забыть успеем потом» (Рождественский. В защиту воспоминаний). Разговорность в речевых сферах адресата и адресанта выражается здесь главным образом на синтаксическом уровне: через парцелляцию однородных членов: «– Опомнись! / Погоди!»; «Наша память – / как стекло увеличительное, / сквозь нее / в самих себя мы глядим... / И читаем книги / спорные, / длинные, – / постигаем знаменитые умы. / И проходим / под распластанными ливнями, / деловитые, / острящие, – / мы!»; «Будто вы уже другого и не знаете, / будто сговорились: / вспоминаете! / То о сказках, / то о встрече с тарантулом, / то о речке за далекой горой, / то о том, / каким ребенком / талантливым / был с рождения / лирический герой. / О его раздумьях, – / в общем, неясных. / О его переживаниях в яслях»; через употребление предложений небольшой линейной протяженности: «– Все правильно! / Все понятно»; «Это правда. / Это точно. / Это – факт!..». На лексическом уровне в данном примере описываемая категория поддерживается словом разговорного стиля *погодить* – ‘помедлить, не спешить с выполнением какого-либо дела’, а также выражением *молодые да ранние*, которое, предположительно, восходит к фразеологизму «из молодых да ранний» – разг. экспрес. ‘не по

годам опытный, ловкий и т. п. человек, проявивший себя в чем-либо (не всегда с положительной стороны) ».

Таким образом, в лирической поэзии Р. И. Рождественского категория разговорности ярко воплощается преимущественно на синтаксическом уровне через парцелированные конструкции и неполные предложения, среди которых преобладают эллиптические. Разговорный синтаксис составляет основу идиостиля поэта, подчеркивая непринужденность и эмоциональность его лирики. На лексическом уровне описываемая категория проявляется через использование разговорных и экспрессивных слов, передающих интонацию живой речи.

Анализ лирической поэзии А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского убедительно подтверждает выдвинутую предварительную гипотезу о том, что в лирике всех указанных авторов текстовые категории диалогичности и разговорности играют важную роль, поскольку позволяют сократить дистанцию между участниками коммуникации, выразить эмпатию по отношению к адресату, передать стремление к духовной близости с читателем.

В диссертации после каждой главы представлены выводы. В ее заключении описаны основные результаты и прогнозируемые перспективы дальнейшего развития исследования, которые видятся нам в подробном рассмотрении особенностей функционирования категорий диалогичности и разговорности в русской поэзии II половины XX века на материале творчества более широкого круга авторов.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Алексенцева, Е. О. Средства создания диалогичности в русской поэзии (на материале произведений А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского) / Е. О. Алексенцева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2024. – Т. 46, № 4. – С. 100–106. – DOI 10.15393/uchz.art.2024.104. (0,8 п. л.)

2. Алексенцева, Е. О. Средства создания разговорности в русской поэзии второй половины XX века / Е. О. Алексенцева // Нефилология. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 315–325. – DOI 10.20310/2587-6953-2024-10-2-315-325. (0,83 п. л.)

3. Алексенцева, Е. О. Диалогичность и разговорность в лирике А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского / Е. О. Алексенцева // Казанская наука. – 2025. – № 2. – С. 240–243. (0,38 п. л.)

*Статьи в сборниках трудов и материалов научных конференций,
других научных изданиях*

4. Алексенцева, Е. О. Особенности функционирования синтаксических средств выражения категории диалогичности в лирике А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского / Е. О. Алексенцева // Грани познания. – 2022. – № 3 (80). – С. 59–63. (0,49 п. л.)

5. Алексенцева, Е. О. Морфологические средства создания диалогичности в лирике А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского / Е. О. Алексенцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2023. – № 4 (04). – С. 80–86. (0,53 п. л.)

6. Алексенцева, Е. О. Особенности функционирования синтаксических средств выражения категории разговорности в лирике А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского / Е. О. Алексенцева // Сталинградская гвоздика: сб. материалов VI Международной науч. конф., Волгоград, 19–21 апреля 2023 г. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2023. – Вып. 5. – С. 126–133. (0,38 п. л.)

7. Алексенцева, Е. О. Диалогичность поэзии А. А. Вознесенского / Е. О. Алексенцева // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: сб. науч. статей. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. – С. 482–487. (0,4 п. л.)

8. Алексенцева, Е. О. Разговорность в поэзии А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского / Е. О. Алексенцева // Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества: сб. науч. статей по материалам Международной науч. конф., посвящ. 100-летию проф. Ольги Борисовны Сиротининой, Саратов, 20–21 октября 2023 г. – Саратов: Техно-Декор, 2024. – С. 278–283. (0,46 п. л.)

АЛЕКСЕНЦЕВА Екатерина Олеговна

ДИАЛОГИЧНОСТЬ И РАЗГОВОРНОСТЬ
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ II ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО,
Е. А. ЕВТУШЕНКО, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 01.09.25. Формат 60х84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27